

К.П. Краковский*

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу зарубежного историографического наследия о разнообразных проблемах истории Судебной реформы 1864 г. и пореформенного развития судебных и иных институтов. Анализируется зарубежная литература (в том числе историческая и юридическая литература по теме русских эмигрантских авторов) за период с 80-х годов XIX в. до начала XXI в.

Ключевые слова: судебная реформа, Судебные уставы 1864 г., правосознание, суд присяжных, независимость суда.

Изучение зарубежной (в советской лексике – буржуазной) литературы о России, включающей как зарубежные издания российских историков, оказавшихся в эмиграции, так и западных историков, еще три десятилетия назад представляло известную трудность. Холодная война как форма противостояния двух систем – социалистической и капиталистической особенно проявлялась в идеологической сфере. Советская власть предпринимала немалые усилия к тому, чтобы плоды «западной пропаганды», в каком бы виде они ни появлялись – от радиопередач до научных сочинений, не доходили до рядового советского человека. Это, в частности, обусловило то, что «западная литература» попадала лишь на книжные полки «спецхранов»,¹ куда обычный читатель, не защищенный от «тлетворного влияния Запада», просто не допускался. Общим требованием для советских ученых, допущенных в особом порядке к чтению работ русских эмигрантов и западных ученых, была критика их «ложных» построений, разоблачение не только клеветы на советский строй, но и их апологетики царского режима. К счастью, в настоящее время ситуация принципиально изменилась, что позволяет представить незашоренный или наполненный идеологическими эвфемизмами обзор зарубежной литературы по исследуемой проблеме.

1. Литература пореформенного периода

Судебная реформа, начатая в России в 1864 г., да еще при значительном использовании западноевропейских (прежде всего, французских и английских) стандартов в области судоустройства и судопроизводства, после 30-летнего упорного отрицания Николаем I всего

□ *Краковский Константин Петрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления и права МИГСУ Российской государственной академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*
fl Elena@mail.ru

¹ Устаревшее теперь понятие, означавшее отделы специального хранения библиотек, для работы в которых требовался специальный пропуск, а для его получения – специальная проверка в спецслужбах.

нероссийского, нерусского, вызвала определенный интерес в странах Европы.

Для французского читателя уже в начале 60-х гг. XIX века был сделан перевод некоторых документов, связанных с подготовкой судебной реформы (записка кн. П.П. Гагарина), а также «Основных положений преобразования судебной части в России»¹. В январе 1864 г. в Париже была опубликована небольшая анонимная брошюра, посвященная обзору предстоящей судебной реформы и влиянию на нее французского правового опыта².

Уже через три года после утверждения Судебных уставов был сделан перевод на немецкий язык «Учреждения судебных установлений»³, а еще через год – всего текста Судебных уставов⁴, что сделало их доступными для широкого круга немецкоговорящих читателей. В 1876 г. вышла небольшая работа Юлиуса Хассельблатта о Судебной реформе 1864 г.⁵ Догматический обзор судостройства и судопроизводства по Уставам 1864 г. был сделан в 1875 г. профессором сравнительного права Академии в Лозанне членом Общества сравнительного права в Париже Эрнестом Лером⁶.

Английский публицист Дональд Маккензи Уоллес, хорошо знакомый с Россией и ее учреждениями 70-х годов XIX в. (жил в России в 1870–1875 гг.), в своей двухтомной работе «Россия» отмечал необычную простоту и симметричность созданного Уставами 1864 г. судебного строя и, указывая на некоторые заимствования из Франции и Англии в частности, подчеркивал несомненную оригинальность целого⁷.

В 1881 г. французский писатель, историк и путешественник Анатоль Леруа-Больё, опубликовал в Париже монографию «Империя царей и русских»⁸. Следуя известным либеральным подходам, Леруа-Больё считал, что судебная реформа почти не уступала по важности отмене крепостного права, поскольку должна была освободить не одно сословие, а «все классы» от «ига произвола, от насилия и коррупции». Из всех реформ он считал ее наиболее последовательной и гармоничной, а

---

¹ Bases de la Reforme Judiciaire en Russie. Extrait du Journal de St.-Petersbourg. 31 p.

² Les Lois et les Institutions Judiciaries de la Russie. Paris, 1864

³ Die Friedengerichtsgefesbe in Russland nach den Justizreglements vom 20 November 1864, Beifügung der Organzungen und Orlauterungen. St.-Petersburg, 1867.

⁴ Die Gerichtsordnungen vom 20 November 1864. St.-Petersburg, 1868.

⁵ Hasselblatt J. Die Justizreform in Russland. St.-Petersburg, 1876. 78 p.

⁶ Lehr E. La Nouvelle Organisation Judiciaire de la Russie d'apres L'oukase du 26 November 1864. Paris, 1875. 46 p.

⁷ Mackenzie Wallace D. Russia. In 2 vol. L., 1877. Vol. 2. P. 276–290 (французское издание - La Russie. Traduit de l'angle. V. II. P. 347–377).

⁸ Leroy-Beaulieu A. L'empire des tsars et les Russes. Paris. 1881. Об этой работе подр. см: Цыкова К.А. Россия второй половины XIX –начала XX в. в трудах Анатоля Леруа-Больё: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. Интересно, что на французского историка ссылался в своих оценках реформы Г.А. Джаншиев (Эпоха великих реформ. СПб., 1907 С. 319).

причину ее успеха видел в том, что она заимствована из передового западноевропейского опыта¹.

Леруа-Больё, в отличие от многочисленных последующих исследователей судебной реформы, не считал, что, например, присяжных ввели в России рано, что народ не готов. Его аргумент о том, что, «если для некоторых реформ ждать зрелости народа, можно ждать бесконечно», следует взять на вооружение и современным исследователям, причем не только консервативного толка.

Коснулся он и конституционного потенциала судебной реформы, отметив, что «независимое правосудие – само по себе ограничение для абсолютной власти»; именно отсюда он выводил причины контрреформы; «было бы странно, если бы правительство не оставило для себя лазейки»². Отметил он и важную общественную миссию выполненную реформой: у русских нет «ясного и живого понятия права»; это положение изменится именно благодаря реформе 1864 г.

Два года спустя К. Кардонн выпустил во Франции книгу, посвященную Александру II и его реформам, в том числе судебной. Изложению сущности реформы предшествовала уничтожающая критика дореформенного суда. В этой работе излагались главные этапы подготовки судебной реформы: учреждение судебных следователей, принятие «Основных положений» 1862 г. и Уставов 1864 г. Автор высоко оценивал институты нового судоустройства, которые, по его словам, «отличаются стройностью пропорций и благородством». Несмотря на то что К. Кардонн признавал влияние западной традиции права на Судебные уставы, он не считал это раболепным подражанием западным образцам. Он утверждал, что, на его взгляд, введение суда присяжных «означало высшее доверие императора народу, привлекло народ к борьбе с преступлениями». Впрочем, это не помешало автору затем дать критику этого института, который, по его словам, «разочаровал своей мягкостью, снисходительностью к опасным преступникам». Он объяснил такую странную, на взгляд европейца, практику суда присяжных национальными чертами русского народа. Равно неудачным опытом он считал создание адвокатуры³.

Совсем другого характера была книга «Новая эра в России» американского историка Чарльза Арно⁴. Она была посвящена охранительной политике Александра III. Автор полагал, что реформы Александра II не соответствовали русскому национальному характеру и фактически провалились. Имея в виду в первую очередь судебную реформу, Ч. Арно писал, что Александр III понял, что Россия, будучи

---

¹ Ibid. S. 653–654, 663.

² Ibid. S. 653–654, 663–665, 733–734.

³ C. De Cardonne L' Impereur Alexandre II. Paris, 1883. В обзоре этой и двух последующих работ использована книга Б.В. Виленского «Судебная реформа и контрреформа в России» (с. 39–46).

⁴ Armand C. de The New Era in Russia. Washington, 1890.

имитатором, последователем Запада, обречена на гибель. Поэтому он, Александр III, решил, что, в силу этих причин единственно возможная политика, чтобы выжить, – жить по русским образцам, а не по тевтонским и латинским. Автор отметил, что Александр III начал очищать империю от иностранных идей, объявил войну нигилизму и что Россия под его водительством стала единой и монолитной.

Почти так же характеризует Александра III и его политику Е. Флуренс¹. Заслуги этого царя автор видит в том, что тот не внял мольбам советников своего отца и не допустил либерализации, он был тверд и противостоял напору революционных идей. Автор оправдывал контрреформы Александра III.

В VI томе восьмитомной «Истории XIX века», написанной под редакцией французских профессоров Э. Лависса и А. Рамбо (1893–1901 гг.), в разделе, посвященном истории России середины века (автор Э. Оман), получили освещение «великие реформы Александра II». Автор указывал на то, что ключевые реформы – крестьянская и судебная основывались на противоположных идейных основах: первую вдохновляли славянофильские идеи, судебной руководили идеи западников. Он объяснял это, во-первых, непостоянным характером Александра II, во-вторых, тем, что в аграрном секторе реформаторы столкнулись с сильным влиянием народных обычаев, а в судебном вопросе единственными образцами были европейские².

В начале XX в. время от времени появлялись популярные книги по истории России, написанные «любителями», в которых, обычно в схематическом виде авторы излагали суть судебной реформы³.

Итак, характерной особенностью зарубежной историографии пореформенного периода является то, что в ней анализу подвергаются только Судебные уставы 1864 г., которые она идеализировала аналогично взглядам русских либеральных авторов, и законодательство 70–80 гг. XIX в., которое она оправдывала и объясняла, в частности, влиянием личности Александра III.

2. Литература русской эмиграции

Работы историков

В результате Октябрьской революции и последовавших за ней драматических событий, значительная часть русской интеллигенции, в том числе историки и юристы, оказались в эмиграции. Их интеллектуальная работа и на чужбине не прекратилась. Можно говорить, что уже в 20–30 гг. XX в. сложился целый пласт русской зарубежной историографии истории России⁴. Следует отметить, что главным объектом исследований и публикаций стала древняя история страны, Московская Русь, история

---

¹ Flourens E. Alexandre III. Paris, 1894.

² История XIX века /под ред. Лависса и Рамбо: в 8-ми тт. Т. 6. М., 1938. С. 76–79.

³ См., напр.: Howe S. A Thousand Years of Russian History. L., 1915.

XVIII – первой половины XIX в., но не история реформ и пореформенного развития. Возможно, это связано с тем, что всего несколько десятилетий отделяли историков от эпохи реформ и контрреформ, а значит, историческая дистанция была слишком коротка, и тем, что для них это было, скорее, «былое и пережитое», в котором они были не исследователями, а свидетелями.

Информацию по предмету нашего исследования можно было найти, прежде всего, в общих работах историков-эмигрантов по истории России. К примеру, бывший профессор Пермского университета Г.В. Вернадский, писал очень мало специально о судебной реформе, но оправдывал программу «противодействия либеральному движению» Александра III¹, утверждая, что тот удовлетворял запросы русского народа.

Отдельные сюжеты работ по русской истории, принадлежавших перу таких историков-эмигрантов, как бывший доцент Петербургского университета Е.Ф. Шмурло,² Д.П. Святополк-Мирский (из эмиграции вернулся в СССР в 1932 г. и погиб в заключении)³, Л.М. Сухотин⁴, А.Г. Мазур⁵, М.Т. Флоринский⁶, Н.В. Рязановский⁷ (родился за рубежом), А. Лобанов-Ростовский⁸, связаны с Судебной реформой 1864 г.

К примеру, в 1932 г. вышла книга бывшего преподавателя Петроградского университета М.М. Карповича о последнем столетии Российской империи⁹. В работе воспроизводится общая либеральная концепция причин и характера судебной реформы, показывается ее

⁴ Подр. см.: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992; Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20-х–30-х годов. М., 2002; Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург, 2005; Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М., 2009; Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012; Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья / авт.–сост. Е.А. Бондарева. М., 2012. Есть и западные работы о вкладе русских историков-эмигрантов в исследование истории России XIX в. См., напр.: Beyerly E. The Europecentric historiography of Russia: An analysis of the contribution by Russian emigre historians in the USA, 1925-1955, concerning 19th century Russian history. The Hague, 1973. 385 p.

¹ Vernadsky G. A history of Russia. New Haven, 1929 (работа выдержала 7 изданий за рубежом, переведена на английский, датский, испанский, японский языки).

² Шмурло Е.Ф. История России. 862–1917 гг. Мюнхен, 1922.

³ Mirsky D.P. A History of Russia. L., 1927; он же Russia. A Social History. N.Y., 1930; L., 1931, 1942.

⁴ Сухотин Л.М. Учебник русской истории. Ч. 1. Новый Сад, 1926; Ч. 2., Белград, 1927.

⁵ Mazour A. Russia. Past and Present. N.Y. 1952.

⁶ Florinsky M.T. Russia. A History and Interpretation. Vol. 1-2. N.Y., 1953. Жесткая отповедь этому эмигрантскому историку была дана в рецензии на эту книгу, написанной лучшими советскими учеными-историками (Дружинин Е.И., Минц И.И., Черпнин Л.В. // Коммунист. 1954. № 11; также см.: Florinsky M.T. Russia: A Short History. N.Y., 1964. XII. 653 p.

⁷ Riasanovsky N. V. A History of Russia. N.Y., 1963, L., 1969. Пер. на итал. Милан, 1967.

⁸ Lobanov-Rostovsky A. Russia and Europe, 1825–1878. Ann-Arbor, 1954;

⁹ Karpovich M. Imperial Russia, 1801–1917. N.Y., 1932.

прогрессивность по сравнению с неудовлетворительным дореформенным судом. Судебная реформа создала, писал М. Карпович, независимый суд, ввела несменяемость судей, гласность судопроизводства, суд присяжных, учредила адвокатуру. С этого времени России стала обладать судебной системой, равной суду цивилизованных стран.

Бывший соискатель профессорского звания в Харьковском университете С.Г. Пушкарев, ставший одним из ведущих специалистов истории России в США, опубликовал в эмиграции ряд работ по русской истории, содержащих аналогичные взгляды на судебную реформу¹. Интересно, что одна из них, «Россия 1801–1917: власть и общество»², не просто «вернулась на Родину» ученого, но рекомендована в настоящее время в качестве учебного пособия для студентов-историков.

Необходимо отметить заслуги русских историков-эмигрантов в изучении российской истории и стимулировании исследовательского интереса к ней у западных коллег. Г.В. Вернадский (стал профессором Йельского университета), М.М. Карпович (работал профессором в Гарварде), М.Т. Флоринский (работал профессором Колумбийского университета), А. Лобанов-Ростовский (был профессором Калифорнийский университета в Лос Анжелесе, в 1935 г. был даже избран президентом Американской ассоциации историков), В.А. Рязановский (получил приглашение нескольких ведущих американских университетов, но отклонил, так как английский язык был одним из немногих европейских языков, которым он не владел; в конце концов, стал профессором Оксфордского университета) и др. русские эмигрантские историки подготовили целую когорту специалистов по истории имперской России, которые составили так называемое «старшее» поколение американских и английских историков-русистов.

От своих русских наставников они унаследовали приверженность к строгому эмпирико-позитивистскому методу, интерес к истории идей и общественного движения, а также к политической и дипломатической истории в противовес социальной. В постановке проблем и в своих интерпретациях они следовали за дореволюционной русской историографией, не только либеральной, но и консервативной и даже народнической³.

Работы юристов

Значительная часть российской юридической интеллигенции (судьи, адвокаты, прокуроры), эмигрировавшей за рубеж, долгое время сохраняла в памяти идеалы судебной реформы. Юристы видели острое

---

¹ Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953. Переиздан в 1987 г. в Канаде а затем трижды в 1991, 1993 и 1999 в России; он же Россия в XIX веке. (1801–1914 гг.). Н-Й, 1956; Pushkarev S.G. The Emergence of Modern Russia, 1801-1917. N.Y., 1966.

² Пушкарев С.Г. Россия 1801–1917: власть и общество. М.: Посев, 2001.

³ См.: Большакова О.В. Бюрократия, реформы и контрреформы (1855–1894 гг.) в освещении англоязычной историографии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

противоречие между советскими принципами судоустройства, судопроизводства и конкретной практикой советского суда, с одной стороны, и дорогих их сердцу Судебными уставами – с другой.

В ряде работ, вышедших в 20–30 гг. XX в. за рубежом, авторы с ностальгией обращались к анализу тех или иных вопросов судебной реформы. Особенно активны в этом отношении были бывшие представители присяжной адвокатуры¹. Они многократно возвращались к этим вопросам в рамках работы объединений русских адвокатов во Франции², Германии³, проводя торжественные заседания, посвященные 65-й (3 декабря – 20 ноября по старому стилю – 1929 г.), 70-й годовщине (3 декабря 1934 г.) Судебных уставов, и произнося там содержательные речи о «старом добром русском суде», разумеется, противопоставляя его суду советскому. Однако в публикациях русского зарубежья, при сохранении общей позитивной оценки реформы, преобладало признание ее обреченности⁴.

Едва ли не единственным крупным и, возможно, поэтому самым цитируемым в зарубежных исследованиях является книга русского юриста-эмигранта Самуэля Кучерова «Суды, юристы и процессы при трех последних царях»⁵, посвященная истории русского суда в 1864–1917 гг. Автор афористично, хотя, на наш взгляд, не вполне обоснованно, назвал это время «золотым веком русского права» (во всяком случае, в отношении начала XX в. эта метафора не работает).

На основе работ русских либеральных авторов второй половины XIX в. он воссоздал основные черты судебной реформы, охарактеризовал организацию и деятельность присяжной адвокатуры, проанализировал некоторые известные (громкие) политические процессы пореформенного периода. Автор отметил роль судебной реформы в формировании в России правового государства и утверждении прав личности. Он признал, что Уставы 1864 г. не трансформировали Россию в конституционное государство, но они принесли крушение деспотизма в одной из трех основополагающих властей – судебной. В обозначенный период Россия, на его взгляд, являла собой пример уникального в политической истории

¹ См., напр.: Гальперин-Гизбург Е.А. Под знаменем права. Сборник статей. Берлин, 1923. Раздел IV. С. 178–220; Николаев К.Н. Суд присяжных в России. 1864–1917. Опыт характеристики. Варшава, 1927; Беляцкий С.А. Защита по уголовным делам. Каунас, 1932; Слиозберг Г.Б. Дореволюционный строй России. Париж, 1933. Глава VIII. С. 150–167; Гольденвейзер А.А. В защиту права: Статьи и речи. Н-Й, 1952; Карачевцев С. Жизнь и суд; Якоби П. Величайший памятник культуры // Россия в эпоху реформ. Сборник статей. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. С. 20–26.

² Union des avocats Russes en France. Paris. 1937. С. 16.

³ Русская адвокатура в Германии. Отчет о деятельности Союза за 10 лет (1920–1930). Берлин, 1930.

⁴ Милюков П.Н. Суд над кадетским «либерализмом» // Современные записки. 1930. № 41; М.М. Винавер и русская общественность начала XX века. Сборник статей. Париж, 1937; и др.

⁵ Kucherov S. Courts, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars. N.Y. 1953 (второе издание – 1975 г.).

государства, где судебная власть была основана на демократических принципах, в то время как законодательная и исполнительная оставались полностью автократическими.

Следует отметить, что уже с 60-х гг. XX в., когда несколько активизировались контакты советских ученых с зарубежными историками-эмигрантами, обнаружилось, пусть и слабое пока, стремление советской литературы ослабить критический пафос при рассмотрении опыта зарубежной русской историографии, пересмотреть однозначные и категоричные оценки его неприятия. В дальнейшем, в постсоветский период этот критический подход и вовсе исчез, сменившись объективными оценками вклада русской эмиграции в историческую науку; это же касается оценки работ юристов русского зарубежья¹.

3. Западная историческая литература

Зарубежные ученые, писавшие об истории России, значительное внимание уделяли и уделяют истории России второй половины XIX в., особенно эпохе реформ и деятельности Александра II. Авторы работ, написанных в довоенные десятилетия и в 50-е гг., посвященных этому периоду², в один голос объявляли «великие реформы» (и прежде всего, судебную реформу) продуктом доброй воли императора и, подобно русским либералам, высоко оценивали их результат. Примерно так излагается судебная реформа в работе американского ученого Бернарда Пареса «История России»³. Он критиковал дореформенный суд и отмечал, что в судебной системе России ничего не менялось со времен Екатерины II до середины XIX в. История судебной реформы излагалась им в традиционной для современной ему западной историографии схеме. Б. Парес отмечал, что она была более успешной, чем другие (напр., реформа печати), и признавал, что в 80-е гг. XIX в. Судебные уставы были искалечены временными актами.

Подробно останавливается на судебной реформе Валентин Гитерман, издавший многотомную «Историю России» в Цюрихе в 1949 г.⁴ Он связывал судебную реформу с отменой крепостного права, потребовавшей «введения принципов буржуазной свободы». Новый суд и судопроизводство, писал автор, заставили уважать права сторон, права обвинительной власти. Он, как либерал, осуждал законодательство о суде

---

¹ См.: Российские правоведы: очерки жизни и творчества. Т. 1–2 М.: Зерцало, 2007; Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920–1940-е годы): Историко-правовые очерки / отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2010; Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 1. / отв. ред. В.М. Сырых. М.: РАП, 2009.

² См., напр.: Graham S. Tsar of Freedom. The Life and Reign of Alexander II. New Haven, 1935; Seton-Watson H. Russian Empire. 1801–1917. London, 1967; Rieber A. Alexander II: A revisionist view // Journal of modern history. Chicago, 1971. Vol. 43. № 1. P. 45–47.

³ Pares B. A History of Russia. N.Y., 1946; London, 1949. Также см.: Pares B. Russia Between Reform and Revolution. N.Y., 1962.

⁴ Giterman V. Geschichte Russland, dritter Band. Zurich, 1949.

Александра III, сожалел, что царь и его приближенные увидели в судебной реформе корень всех зол, постигших Россию.

Консервативный взгляд на реформированный русский суд обнаружил французский ученый Эдуард Краковский. В своем историческом сочинении о России он лишь мельком упоминал о судебной реформе, но довольно подробно писал о законодательстве Александра III, отмечая, что он был разумным правителем и якобы не собирался упразднить реформы 60-х годов, а хотел только их упорядочить¹. Он оправдывал упразднение мирового суда и введение земских начальников, чтобы компенсировать помещикам потери земли в 1861 г. усилением власти на местах.

Другой автор, Дж. Лоуренс настаивал на том, что «в России чувство законности никогда не было достаточно сильным», но после судебной реформы уважение к закону возросло². В целом у него либеральный взгляд на судебную реформу, но консервативный – при анализе политики Александра III. Он называл его последним символом русской автократии, с большой симпатией писал о консерватизме К.П. Победоносцева.

В книге «Россия при старом режиме»³ автор Ричард Пайпс, в частности, пытался описать путь России от полицейского к правовому государству. В противоречие с действительностью, он писал о политизации пореформенного суда лишь революционерами-радикалами и их «доброхотами» («прекраснодушными либералами»), не признавая, что именно правительство сделало очень многое на этом поприще. Его вывод, что именно общество, а не правительство виновно в провале установления в стране правового порядка, по меньшей мере, спорно.

Как отмечалось выше, советские историки и ученые-юристы были изолированы от Запада; но и западные ученые-историки были изолированы от источниковой базы, «пробавлялись» ограниченными возможностями дореволюционной российской историографии, поэтому многие их работы являются лишь «перепевом» старых работ российских либералов второй половины XIX в. или работ российских ученых, оказавшихся в эмиграции⁴. Эта «реанимация» взглядов дореволюционной российской историографии вызывала жесткую критику советских историков⁵.

Интерес к проблеме реформ в истории дореволюционной России пробудился в начале 1960-х годов и был связан, прежде всего, с развитием теории модернизации, обратившей внимание исследователей на процессы общественной эволюции и на ту ключевую роль, которую играли в них

---

¹ Krakowski E. Histoire de Russie. Paris, 1954.

² Lawrence J. A History of Russia. N.Y. 1960.

³ Pipes R. Russia under the Old Regime. London, 1974. В русском пер.: «Россия при старом режиме. М.: Мысль, 1993.

⁴ Almedingen E.M. The Emperor Alexander II. London, 1962.

⁵ См.: Виленская Э.С. Царь-«освободитель» и его западные биографы // История СССР. 1966. № 1. С. 221–228.

государство и его аппарат¹. Ее представители рассматривали деятельность Александра II как мирную модернизацию России по западным образцам, как волевой акт по насаждению в России капитализма «сверху». Модернизация рассматривалась как альтернатива «кровавой революции».

Американские историки заняли ведущее место в исследованиях политической модернизации России второй половины XIX в., сосредоточившись на изучении ее государственных и общественных институтов, на проблемах участия бюрократии в модернизации российского государства и общества, а также на анализе эволюции бюрократии как социальной группы.

Разумеется, «буржуазная теория модернизации России» получила резкую отповедь советских историков как антинаучная и искаженно трактующая социально-политические процессы в России в пореформенный период². Вообще, «критическое» направление по отношению к западной исторической науке было возведено в отечественной историографии в 1950–середине 80-х гг. в ранг приоритетных. Его основными задачами были «разоблачение» и «опровержение» концепций, представленных в трудах западных историков. Работам последних изначально отказывалось в научной объективности, критика носила огульный характер, ей соответствовал разоблачительный тон, обвинительный вердикт выносился всем работам западных историков, положительные результаты того или иного исследования, как правило, игнорировались. Разнообразие точек зрения клеймилось как «эkleктика», что служило лишним доказательством «кризисного состояния буржуазной исторической науки», и уж совсем не вызывали интереса при таком подходе проблемы внутреннего развития зарубежной историографии, эволюция концепций, смена поколений историков и, соответственно, научных парадигм и исследовательской проблематики.³

---

¹ Mosse W.E. *Alexander II and Modernization of Russia*. N.Y 1962; *Imperial Russia after 1861: Peaceful Modernization or Revolution* / Ed. By A.E. Adams. Boston, 1965; Apter D. *Politics of modernization*. 1965; Black C.E. *The dynamics of modernization: A study in comparative history*. N.Y., 1966; Fainsod M. *Bureaucracy and modernization: The Russian and Soviet case* // *Bureaucracy and political development*. Princeton, 1963. P. 233–267; Levy M. *Modernization and the structure of societies: A setting for international affairs*. Vol. 1–2. Princeton, 1966. Vol.1. XX, 374 p. Vol. 2. XI, 375–855p.; Sinai R. *The challenge of modernization: The West's impact on the nonwestern world*. 1964. 287 p.; Rogger H. *Russia in the age of modernization and revolution, 1881–1917*. L.-N.Y., 1983.

² См.: Крупина Т.Д. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX–начала XX в. // *История СССР*. 1971. № 1. С. 191–205; Волков Л.Б. Теория модернизации ее место в современном буржуазном обществоведении // *Критический анализ буржуазных теорий модернизации*. М., 1985; Карпачев М.Д. Буржуазные реформы 1860–1880 годов в оценке английской и американской буржуазной историографии // *Буржуазные реформы в России второй половины XIX века: межвуз. сб. науч. тр.* Воронеж, 1988. С. 124–139.

³ Подр. см.: Большакова О.В. Указ. соч.

Впрочем, со второй половины 80-х гг., и особенно живо после 1991 г. изучение, оценка и использование наработок западных ученых о России в работах отечественных историков и историков права претерпели существенное изменение, они утратили исключительно критический тон, что, впрочем, не означало полное признание правоты западных авторов¹. В современный период, когда модернизация была провозглашена российскими властями в качестве магистрального направления, вектора развития страны, оценки данной теории, разумеется, изменились на прямо противоположные.

С другой стороны, именно в 60-70 гг., когда несколько потеплели как международная обстановка, так и внутригосударственная атмосфера в СССР, постепенно стал изменяться и характер западного «россиеведения». Прежде всего, работы западных историков о России стали утрачивать совершенно определенный колорит, который диктовался законами «холодной войны», они стали поднимать новые проблемы, используя новые возможности – открывшийся для них доступ в российские архивы². Большое влияние на формирование «нового имиджа» российской истории имело создание «московской исторической школы П.А. Зайончковского». Немало молодых зарубежных историков, пройдя эту школу, составляют ныне цвет западного «россиеведения» (Р. Уортман, Ф.К. Тарановский и др.)³.

4. Работы западных ученых о судебной реформе

Несмотря на то что зарубежная историография по политической истории России 2-й половины XIX–начала XX в. достаточно обширна,⁴ работы, напрямую освещающие проблемы судебной реформы и пореформенного развития суда в России, стали появляться преимущественно в последние десятилетия.

Специальная литература по исследуемой проблематике представлена крупными работами историков Ф. Кайзера, Р. Уортмана, Ф.К. Тарановского, Й. Баберовски.

Первое в западной историографии объемное сочинение, посвященное развитию правосудия в России от Екатерины II до революции 1917 г., и в частности Судебной реформе 1864 г., принадлежит перу немецкого

---

¹ Современная немарксистская историография и советская историческая наука. Беседа за «круглым столом» // История СССР. М., 1988. № 1. С.172–207.

² См., напр.: Lincoln B. The Great reforms: Autocracy, bureaucracy and politics of change in Imperial Russia. DeKalb, 1990; Russian's Great Reforms. Bloomington, 1994. P. 264-280; Saunders D. Russia in the Age of the Reaction and Reform. 1801–1881. London and N.-Y. 1990.

³ Подр. см.: Захарова Л. Г. Пётр Андреевич Зайончковский // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1 (Отечественная история). М., 2000.

⁴ См. обзор: Большакова О.В. Указ. соч.

историка Ф. Кайзера¹. Выполненное с широким привлечением документов, оно, впрочем, не отличается оригинальностью концепции, новизной выводов, принципиально созвучных подходам и суждениям дореволюционных российских исследователей. Автор подробно рассматривал процесс подготовки судебной реформы. Он подтверждал высказанную ранее некоторыми историками мысль о влиянии крестьянской реформы на судебную, хотя, на его взгляд, это влияние нельзя абсолютизировать. Ф. Кайзер придавал огромное значение субъективному фактору, развивал мысль о том, что решение о радикальном изменении суда и правосудия, принятое в конце 1861 г., не было детерминировано внешними факторами – революционным движением и крестьянской реформой.

Он писал и о личностях реформаторов (С.И. Зарудном, вел. кн. Константине Николаевиче и др.). Заслуживает внимания вывод Ф. Кайзера, что судебная реформа 1864 г. реально защитила личность и была замаскированной попыткой создать в стране правовое государство, хотя автор не дал документального подтверждения этого вывода.

Фундаментальная работа «Развитие русского правосознания» Ричарда Уортмана, с гордостью называющего себя учеником П.А. Зайончковского, не начинается, а завершается рассказом о Судебной реформе (две последние главы книги)². Но его анализ причин успешности судебной реформы приводит автора к выводу о том, что она стала возможной благодаря тому, что в рядах царской администрации еще в I половине XIX в. появились люди, способные подготовить и осуществить ее по самым высоким (европейским) стандартам.

Автором описан этос юриста, новый тип чиновника судебного ведомства, в том числе и тех, кто готовил реформу (элита столичной бюрократии, получившая образование в Училище правоведения, Царскосельском лицее и университетах). Связанные узами личной дружбы, годами совместной учебы и службы, движимые как благородными идеями, так и личным честолюбием, эти люди подготовили реформу. Он «заглянул» при изучении подготовки реформы несколько дальше, чем российские ученые (Б.В. Виленский, М.Г. Коротких), обратившись к ключевой фигуре – николаевскому чиновнику, министру МВД графу Д.Н. Блудову, деятельность которого наложила отпечаток на этот процесс почти за 25 предшествующих реформе лет.

---

¹ Kaiser F.B. Die russische Justizreform von 1864. Zur Geschichte der russischen Justiz von Katherina II bis 1917. Leiden. 1972. XV, 552 s.; При обзоре содержания книги Ф. Кайзера использованы материалы докторской диссертации М.Г. Коротких (с. 12-13).

² Wortman R. The development of a Russian legal consciousness. Chicago, 1976. XI, 345 p. (русский пер. «Властители и судии». М., 2004). Также см.: Wortman R. Judicial personnel and the court reform of 1864 // Canadian Slavic studies. Toronto, 1969. Vol. 3, N 2. P. 224–234; он же Introduction // Reforming justice in Russia, 1864–1994. N.Y., 1997. P. IV–XV; Он же. Russian Monarchy and the Rule of Law. New Consideration of the Court Reform of 1864 // Kritika: Explorations and Eurasian History 6.1. Winter 2005. P. 145–170.

Также автор показал, почему и как именно новый суд вступил в конфликт с самодержавными привычками пренебрежения правом и законностью, как специализированные полномочия нового суда сразу стали диссонансом административному типу мышления и умонастроениям, веками господствовавшим в среде политической элиты страны. Р. Уортман проследил, как авторитарная власть пыталась в пореформенный период уничтожить плоды собственного труда – независимость суда, судей, следователей, вернуть суд в лоно своих представлений о соотношении суда и администрации, по существу вступив в «состояние войны с собственной судебной системой»¹.

Книга Р. Уортмана является чрезвычайно полезной для размышления о сути, значении и достоинстве юридической профессии, ее институционализации в результате судебной реформы.

Работы профессора русской истории американского университета в штате Вашингтон Ф.К. Тарановского, внука выдающегося русского ученого-юриста Ф.В. Тарановского², посвящены проблемам истории пореформенного российского самодержавия и его судебных институтов. Его перу принадлежит первое в исторической науке специальное исследование о Комиссии Н.В. Муравьева. Он полагает, что в царствование Александра III вопрос о реформировании системы правосудия мог решаться лишь административными средствами, и сосредотачивается на изучении правительственного аппарата и бюрократических технологий, учитывая также идеологический фактор. В этой перспективе рассматривает он и причины того, что Судебные уставы «устояли».

Он пишет о противостоянии двух лагерей в среде царской бюрократии, и прежде всего между консерваторами в МВД, с одной стороны, и МЮ, а также группой либералов в Государственном совете – с другой. Следствием этого были проволочки, задержки на годы принятия охранительных законов в сфере суда, прежде всего закона о земских начальниках. Вообще, Ф.К. Тарановский рассматривал контрреформы (впрочем, он считал, что судебная контрреформа была не завершена) как пример идеологического конфликта и не сопрягал их с конкретными нуждами управления или с недостатками реформ Александра II.

---

¹ Уортман Р. Указ. соч. С. 475.

² Taranovski T. The Politics of Counter-Reform: Autocracy and Bureaucracy in the Reign of Alexander III. 1881–1894. Phd. Diss.. 1976. Harvard University. 117 p.; Он же The aborted counterreform: Murav'ev Commission and the Judicial statutes of 1864 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1981. Bd 29, H.2. S.161–184; Он же Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России, 1855–1874: сб. / под ред. Л. Г. Захаровой и др. М., 1992. С. 301–317; Он же The problem of reform in Russian and Soviet history // Reform in modern Russian history. Cambridge, 1995. P. 1–23; Conclusion. P. 418–423; он же Особенности российской самодержавной монархии в XIX столетии // Российская монархия: вопросы истории и теории. Межвуз. сб. статей, посв. 450-летию учреждения царства в России (1547–1997 гг.). Воронеж, 1998. С. 157–171.

Также он писал о новом отношении чиновничества к закону, формировании нового типа политической культуры юристов. «Законность» стала вскоре ключевым словом, противостоящим понятию произвол, отражавшему традиционную психологию и практику самодержавия и старой бюрократии. Новым юристам, считает он, была ближе западная концепция средневропейского либерализма¹. В результате судебной реформы была создана институциональная система суда, представлявшая собой пример «творческой адаптации всех лучших достижений юриспруденции и судебной практики западноевропейских стран, прежде всего Франции и Великобритании»².

Многие идеи, высказанные в работах Ф.К. Тарановского, поддержаны и развиты в исследовании Х. Уилана «Александр III и Государственный совет. Бюрократия и контрреформы на закате имперской России».³

Немецкий ученый Йорг Баберовский в книге «Самодержавие и юстиция. Соотношение правовой государственности и отсталости на исходе Российской империи (1864–1917)»⁴ рассматривает судебную реформу в контексте теории модернизации, демонстрируя, впрочем, откровенно консервативные взгляды. Характеризуя реформаторов как «сбившихся с пути идеалистов», которые заимствовали западные образцы без учета российской специфики, он считает, что судебная реформа в отсталой стране, не готовой к таким переменам, была «несвоевременным формированием прогресса», а сами суды – «слишком передовыми для России XIX в.», почему и оказались, на взгляд автора (сразу отметим, достаточно спорный), неэффективными.

Он рассматривает проблемы в функционировании пореформенного суда через призму существовавшего правового дуализма, выразившегося в разделении традиционного народного правосознания (в основе которого лежали нормы обычного права) и официальной правовой системы, насаждаемой государством сверху в целях правовой модернизации. Автор полагает, что новые судебные институты оказались не в силах его преодолеть.

Й. Баберовский проанализировал практику суда за 1864–1917 гг., прежде всего суда присяжных и мировой юстиции, где правовой дуализм проявлялся особенно четко. Причину неудачи он видит в отсталости

---

¹ Тарановски Т. Судебная реформа. С. 308–311.

² Ibid. P. 305.

³ Whelan H. Alexander III and the State Council. Bureaucracy and counter-reform in late Imperial Russia. New Brunswick . 1982.

⁴ Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main, 1996. 845 s. При обзоре книги использованы рецензия на нее, написанная А.Н. Медушевским в журнале «Вопросы истории» (1996. № 7. С. 160–164) и статья Р. Уортмана «Russian Monarchy and the Rule of Law. New Consideration of the Court Reform of 1864» // Kritika: Explorations and Eurasian History 6.1. Winter, 2005. P. 145–170.

страны, в том числе на полиэтнических окраинах, кроме того, преодолению правового дуализма мешало, на его взгляд (впрочем, также небесспорный), тяжелое материальное положение судов (отсутствие персонала, системы коммуникаций, а также правовой квалификации).

Автор считает, что отказ от либеральных принципов судебной реформы должен интерпретироваться не как судебная контрреформа, а как стремление разрядить напряженность между современными правовыми формами и традиционными социальными структурами. Это был, на взгляд автора, вынужденный компромисс консервативных и либеральных сил, своего рода саморегуляция системы и перегруппировка бюрократии в условиях социальной и правовой модернизации. В связи с этим Й. Баберовский обращает особое внимание на работу комиссии Муравьева, которая, по его мнению, должна была создать правовой порядок, отвечающий гетерогенности многонационального государства.

Политические следствия реформы для самодержавия, по мнению автора, имели двойственный характер: 1) она открывала путь рецепции западноевропейского правосознания и представления о правах личности, в первую очередь политических; 2) она оказывала деструктивное воздействие на существующий режим. Реформа не ослабила социального напряжения, но, наоборот, усилила его, расширив возможности для институционализации и артикуляции политической оппозиции (аргументы – политические процессы и роль адвокатуры).

Попытки власти преодолеть оппозиционность профессиональной юриспруденции, выразившиеся в стремлении ограничить независимость судей, выведении политических дел из компетенции общего судопроизводства, ограничении доступа к ним либеральных адвокатов, оказались неэффективными, поскольку вели к дискредитации самой власти, вынужденной вводить режим чрезвычайного положения. Таким образом, выступив первоначально как идеальное, казалось бы, средство модернизации, судебная реформа стала, в конечном счете, жертвой этой модернизации, а отчасти и ее тормозом в условиях социального кризиса, считает автор.

В марте-апреле 1995 г. в университете Торонто (Канада) прошла международная конференция «Реформирующаяся юстиция в России: историческая перспектива», в которой приняли участие видные политологи, историки, правоведы Канады, США, России и Англии. В первом разделе сборника статей, изданного по итогам конференции, ряд авторов исследовали вопросы правосудия, правосознания, государственной политики в области юстиции применительно к имперской России¹. Так, У. Вагнер проследил, по сути, нормотворческую

---

¹ Solomon P. Courts and their Reform in Russian History; Wagner W. Civil Law, Individual Rights and Judicial Activism in Late Imperial Russia; Kazantsev S. The Judicial Reform of 1864 and the Procuracy in Russia; Bhat G. The Consensual Dimension of Late Imperial Russian Criminal Procedure; Burbank J. Legal culture and citizenship in Russia: Perspectives from early twentieth century; Frierson C. Of Red Roosters, Revenge and Search for Justice

деятельность гражданско-кассационного департамента Сената. С.М. Казанцев проанализировал изменение в ходе реформы роли и функций прокурорского надзора. Предметом исследования Г. Бхата был процесс в суде присяжных, особый взгляд присяжных заседателей на суть дела, который он назвал «консенсуализм». Д. Бурбанк обратилась к анализу особенностей крестьянского правосознания и правовой культуры, отразившихся в деятельности волостных судов. Л. Фраерсон представила один из способов достижения справедливости русскими крестьянами – поджог, показав, что они жили как бы в двух мирах, современном и традиционном, и использовали и закон, и обычай – там, где это было, на их взгляд, эффективнее.

Следует отдельно отметить работы известного канадского историка Питера Соломона, организатора названной конференции, посвященные отчасти прошлому, но преимущественно, настоящему уголовного правосудия в России. Он, в частности, обратил внимание на закономерные характеристики взаимоотношения суда и авторитарного режима, представил свою классификацию моделей, характеризующих степень независимости судов от политических властей и объем их полномочий, отнеся царскую Россию пореформенного периода к четвертой модели¹.

Ее суть в том, что лидеры авторитарных режимов создавали суды, бывшие относительно независимыми и обладавшими политически значимой юрисдикцией. В известных обстоятельствах судьи могли поддерживать интересы руководства и избегать конфликтов. В случае же, когда они выносили решение, противоречащее интересам режима, мог возникнуть конфликт с исполнительной властью. Судьи с участием представителей общества или сословий выносили решения, неприемлемые для власть предержащих. В ответ предпринимались меры по ужесточению системы, рассмотрение дел о государственных преступлениях передавалось военным или специальным судам, во многих регионах объявлялось «исключительное положение», оказывалось влияние на служебную карьеру судей в целях развития у них конформизма.

В связи с идущей в отечественной историографии уже на протяжении десятилетий дискуссией о судебной контрреформе, могут представлять методологический интерес суждения П. Соломона об этом предмете, особенно его замечание: «В какой-то степени то, что составляет судебную контрреформу, находится в умах наблюдателей или представляет собой оценочные суждения. Таким образом, ученые не должны механически воспринимать взгляды участников тех конфликтов, которые они изучают. В то же время следует понимать, что судебная

Rural Arson in European Russia in the Late Imperial Era // Reforming justice in Russia, 1864–1994: Power, Culture and limits of legal order. / Ed. by Solomon P.H. N.Y. 1997. P. 3–130.

¹См.: Solomon P. Courts and Judges in Authoritarian Regimes // World Politics. 2007. October. Vol. 60. #1. P. 122–145. (рус. версия: Суды и судьи при авторитарных режимах //Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 3 (64). С.156–174).

контрреформа может иметь разрушительные последствия именно в качестве дискурса, без принятия или реализации каких-либо конкретных мер»¹.

Отдельные аспекты судебной реформы и истории пореформенного суда поднимают в своих работах Г. Кон, У. Вагнер, Х. Маккубри, Т. Пирсон, У. Пинтнер, Б. Линкольн, Т. Уолдрон, Т. Планк, Д. Нойбергер и др.² Они трактуют судебную реформу в целом как благо, приблизившее судебную систему Российской империи к западным образцам, которые считаются универсальными и эталонными. Акцентируется внимание на том, что в основе реформы суда лежала «идея о “правлении закона” как о нормативном принципе устройства государства и общества».

Признавая, что судебная реформа стала наиболее радикальной, новаторской и технически успешной из всех великих реформ, современные исследователи подчеркивают, что при этом она создала обособленную крестьянскую систему правосудия, исключив, таким образом, крестьян из основного населения. Западные авторы сосредотачиваются на значении Уставов 1864 г. для развития правосознания и в такой перспективе судебная реформа и сформировавшаяся в ее результате группа юристов-профессионалов предстают как феномен, глубоко враждебный самодержавному строю по своей политической культуре³.

Судебные уставы они рассматривают как важнейший шаг к созданию гражданского общества. Благодаря им, как пишет Б. Линкольн, была уничтожена многовековая прерогатива царя – контроль за отправлением правосудия и началась трансформация самодержавия в более современную форму монархии. В то же время работа реформаторов-юристов заложила

---

¹ Соломон П. Угроза судебной контрреформы в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3(52). С. 50–60.

² Kohn H. *The Mind of Modern Russia*. New Jersey, 1957; Wagner, W. *Tsarist legal policies at the end of nineteenth century: A study in inconsistencies* / W. Wagner // *Slavonic and East European Review*. L., 1976. Vol. 54. № 3. P. 391–392; McCoubrey H. *Reform of the Russian legal system under Alexander II* // *Renaissance and Modern studies*. 1980. Vol. 24. P. 115–130; Pearson T. *Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889* // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1984; Pintner W. *Reformability in the age of reform and counterreform, 1855–1894* // *Reform in Russia and the USSR: Past and prospects*. Urbana, 1989; Lincoln B. *The great reforms: Autocracy, bureaucracy and politics of change in Imperial Russia*. De Kalb, 1990; Neuberger J. *Popular legal cultures. The St. Petersburg mirovoi sud* // *Russia's Great reforms, 1855–1881*. Bloomington. 1994; Atwell J.W. *The Russian Jury* // *Slavonic and East European Review*. 1975; Plank T.E. *The Essential Elements of Judicial Independence and the Experience of Pre-Soviet Russia* // *William and Mary Bill Rights Journal* / 1996. Winter; Waldron P. *The End of Imperial Russia, 1855–1917*. N.Y. 1997. Для освещения некоторых из этих статей использована статья: Большакова О.В. Судебная реформа 1864 года и реформирование правовой культуры в дореволюционной России (обзор англоязычной литературы) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История*. 2000. № 1. С. 7–23.

³ Crisp O. *Peasant land tenure and civil rights implications before 1906* // *Civil rights in Imperial Russia* / Oxford, 1989. P. 33–64. Saunders D. *Ibid*. P. 261.

краеугольный камень современного общества, основанного на общественной справедливости и гражданской ответственности¹.

Оценивая влияние судебной реформы на социальную трансформацию и формирование гражданского общества в России, У. Пинтнер считает важным факт, что в итоге «создалось напряжение между новой системой и самодержавием». Даже «простое установление ясных и последовательных процедур принятия законов рассматривалось, и, возможно, справедливо, как первый шаг навстречу ограничению самодержавной власти»². Учитывая такое положение, историк считает, что результат судебной реформы в этом аспекте нужно рассматривать как аномальный. В то же время нельзя недооценивать значение реформы. Она, безусловно, дала образованной части русского общества механизм европейского судостроительства и судопроизводства, с его предсказуемостью юридических последствий человеческих поступков. Кроме того, развивалось юридическое образование, приближавшееся к европейским стандартам, формировалась новая социальная группа юристов-профессионалов, которая к концу века стала важной составной частью растущего среднего класса³.

В статье У. Вагнера⁴ анализируются акты, принятые для «поправления» Судебных уставов в 1866–1889 гг. В основе этой политики, по его мнению, лежала несовместимость базовых принципов судебной реформы с существующей социально-политической системой иерархического и патриархального государства, где правительство и администрация привыкли действовать, не считаясь с законом. При этом независимая юстиция, будучи аномальным явлением в русской жизни, не могла выжить без поддержки правительства.

Автор указывает на парадокс в государственной политике по отношению к судебным институтам: хотя правительство было их главным критиком и имело возможности и мотивы их отменить (и действительно, вносило в них существенные изменения), тем не менее именно правительство оставалось при этом важнейшим фактором их сохранения. Причиной такой амбивалентности он считает, во-первых, бытовавшее в правительственной среде убеждение, что независимая юстиция является важным атрибутом любого цивилизованного государства, и, во-вторых, осознание того факта, что современная правовая практика необходима для обеспечения современного экономического роста.

У. Вагнер указывал, что «новеллы» были направлены на расширение и усиление правительственного контроля над правосудием для того, чтобы обеспечить общественный порядок, политическую стабильность в стране, однако эти изменения не носили принципиальный характер, и даже суд присяжных – наиболее критикуемый институт новой системы – устоял,

---

¹ Lincoln B. Ibid. P. 109.

² Pintner W. Ibid. P. 90.

³ Ibid.

⁴ Wagner W. Ibid. P. 391–392.

хотя и претерпел ограничения юрисдикции. Ограничения имели место в области уголовного процесса и политических преступлений. Развитие гражданского процесса имело разительный контраст с уголовным, юрисдикции судов по гражданским делам постоянно расширялась.

Изучение деятельности мировых судов с 1866 по 1889 г. приводит Т. Пирсона к заключению, что вопреки традиционной точке зрения, в сельской местности мировым судам не удалось обеспечить задуманный реформой 1864 г. правопорядок. Среди причин «провала» мирового института автор называет «отсутствие достаточно усердного и политически надежного (с точки зрения правительства) персонала»; местные «институциональные конфликты, порожденные фрагментарными реформами 1860-х» и во многом являющиеся отголосками конфликтов министерств; и, наконец, тотальное невежество, бедность и пассивность местного населения¹.

Неудачи мировых судов выявили трудность введения сложной системы права, основанного на западных моделях в чрезвычайно отсталом (по европейским меркам) традиционном обществе, привыкшем к прямому администрированию. Этим в значительной степени объясняется тот факт, что многие мировые судьи и вообще сельские жители требовали введения более эффективной судебной власти – «желание, лишь частично исполненное введением земских начальников».²

Анализ слабостей мировых судов в сочетании с недостатками земского и крестьянского самоуправления позволил автору предположить, что контрреформы являются наиболее прагматическими в ряду законодательных мер по ликвидации административного и правового «хаоса» в губерниях, которые предпринимались с конца 1870-х годов. Они имели целью улучшить качество управления при ограниченном количестве персонала, и достигнуть этого можно было путем бюрократизации управленческой структуры³. Примером победы бюрократической централизации, пишет автор, являлся закон о земских начальниках, воплотивший в себе веру Александра III в то, что именно бюрократизация местного управления и юстиции может гораздо эффективнее, чем сложные правовые процедуры, заимствованные с Запада, обеспечить уважение к самодержавию в деревне⁴.

Формирование правовой культуры в дореволюционной России на примере деятельности Петербургского мирового суда исследовала Д. Нойбергер; она считает мировой суд «самым ярким примером духа судебной реформы»⁵. Главной и стратегической целью реформы, по мнению автора, было внедрить уважение к закону в русском обществе, и именно мировые суды должны были стать своего рода «школой уважения

---

¹ Pearson T. Ibid. P. 52–71.

² Ibid. P. 55.

³ Ibid. P. 69.

⁴ Ibid. P. 71.

⁵ Neuberger J. Ibid. P. 232.

к личности и закону». Реформаторы надеялись, что введение «правления закона» (Rechtsstaat), институализированное в новых судах, создаст юридически грамотное население, которое может быть ассимилировано в гражданское общество. Д. Нойбергер старается увидеть «противоречия и ограничения», изначально заложенные в Уставах их создателями. Она отмечает типичную для судебной реформы комбинацию «патернализма и институционализации», характерную для мировых судов и, по ее мнению, во многом «ответственную за тот род правовой культуры, который появился в России после 1864 г.».

Японский исследователь Тахакаси Кадзухито представляет свою статью в качестве переосмысления реформы 1864 г. с точки зрения юридической науки; он рассматривает эффективность реформы с точки зрения правовой социологии¹. На самом деле автор рассмотрел ряд дел в мировых и общих судах – где суд действительно проводил в решениях новые начала и принимал решения в духе законности, а не по административному распоряжению. Он показал, как после вынесения неугодного ей решения реагировала власть, чтобы сохранить status quo. Можно сказать, что автор не привнес ничего принципиально нового, тем более переосмысления реформы, как было заявлено.

Подводя итог обзору исследований западных ученых, следует признать, что они внесли серьезный вклад в изучение «великих реформ», в том числе судебной; представили их обновленную концепцию, выделив такой их важный фактор, как формирование кадров реформаторов; продемонстрировали новые подходы к изучению контрреформ; наконец, показали, как функционировали властные структуры Российской империи.

Перед отечественными историками права и государства и гражданскими историками стоит задача, избавившись от чувства «врожденного превосходства», культивировавшегося в советских гуманитарных науках, отказаться от старых «разоблачительских» подходов и навешивания идеологических ярлыков западной (немарксистской) историографии, признать важность существования множества разнообразных точек зрения и заняться научным, то есть непредвзятым, изучением ее теоретических основ и методик исследования. Необходимо взаимное обогащение открытиями об историческом прошлом России. Очевидное препятствие – языковой барьер – может быть преодолено переводом наиболее важных работ как с русского языка на иностранные, так и наоборот, или как минимум расширение опыта подготовки обзоров иностранной литературы². Важной патриотической

---

¹ Кадзухико Т. К переосмыслению Судебной реформы 1864 г. // Новый мир истории России: Форум японских и российских исследователей / под ред. Г. Бордюгова, И. Норизэ и Т. Такэси. М., 2001. С. 23–43.

² Хороший пример – подготовленный учеными Российской академии правосудия и ИНИОН РАН сборника обзоров и рефератов «История судебных учреждений России» (М., 2004). Также см.: Современные зарубежные исследования русской правовой мысли. Реферативный сборник. Вып. 1. М., 1982.

задачей является «возвращение на Родину» трудов русских историков и юристов, вышедших в 20–50-е годы в эмиграции.

Библиографический список

1. Almedingen E.M. The Emperor Alexander II. London, 1962.
2. Arnand C. de The New Era in Russia. Washington. 1890.
3. Atwell J.W. The Russian Jury // Slavonic and East European Review. 1975.
4. Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864-1914. Frankfurt am Main. 1996. 845 s.
5. Bases de la Reforme Judiciaire en Russie. Extrait du Journal de St.-Petersbourg. 31 p.
6. Black C.E. The dynamics of modernization: A study in comparative history. -N.Y., 1966.
7. Crisp O. Peasant land tenure and civil rights implications before 1906 // Civil rights in Imperial Russia/ Oxford, 1989. P. 33-64. Saunders D. Ibid. P. 261.
8. Die Friedengerichtsgefesbe in Russland nach den Justizreglements vom 20 November 1864, Beifügung der Organzungen und Orlauterungen. St.-Petersburg. 1867.
9. Die Gerichtsordnungen vom 20 November 1864. St.-Petersburg. 1868.
10. Fainsod M. Bureaucracy and modernization: The Russian and Soviet case // Bureaucracy and political development. Princeton, 1963. P. 233-267.
11. Florinsky M.T. Russia. A History and Interpretation. Vol. 1-2. N.Y., 1953.
12. Flourens E. Alexandre III. Paris, 1894.
13. Giterman V. Geschichte Russland, dritter Band. Zurich, 1949.
14. Hasselblatt J. Die Justizreform in Russland. St.-Petersburg. 1876. 78 p.
15. Howe S. A Thousand Years of Russian History. L., 1915.
16. Imperial Russia after 1861: Peaceful Modernization or Revolution / Ed. By A.E. Adams. Boston, 1965; Apter D. Politics of modernization. 1965.
17. Kaiser F.B. Die russische Justizreform von 1864. Zur Geschichte der russischen Justiz von Katherina II bis 1917. Leiden. 1972. XV, 552 s.
18. Karpovich M. Imperial Russia, 1801-1917. N.Y., 1932.
19. Kohn H. The Mind of Modern Russia. New Jersey, 1957; Wagner, W. Tsarist legal policies at the end of nineteenth century: A study in inconsistencies / W. Wagner // Slavonic and Last European Review. L., 1976. Vol. 54. № 3. P. 391-392.
20. Krakowski E. Histoire de Russie. Paris, 1954.
21. Kucherov S. Courts, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars. N.Y. 1953 (второе издание – 1975 г.).
22. Lawrence J. A History of Russia. N.Y. 1960.
23. Lehr E. La Nouvelle Organisation Judiciaire de la Russie d'apres L'oukase du 26 November 1864. Paris 1875. 46 p.
24. Leroy-Beaulieu A. L'empire des tsars et les Russes. Paris. 1881.
25. Les Lois et les Institutions Judiciaries de la Russie. Paris, 1864
26. Levy M. Modernization and the structure of societies: A setting for international affairs. Vol. 1-2. Princeton, 1966. Vol.1. XX, 374 p. Vol. 2. XI, 375-855p.
27. Lincoln B. The Great reforms: Autocracy, bureaucracy and politics of change in Imperial Russia. DeKalb, 1990; Russian's Great Reforms. Bloomington, 1994. P. 264-280; Saunders D. Russia in the Age of the Reaction and Reform. 1801-1881. London and N.-Y. 1990.
28. Lobanov-Rostovsky A. Russia and Europe, 1825-1878. Ann-Arbor, 1954;
29. Mackenzie Wallace D. Russia. In 2 vol. L., 1877. Vol. 2. P. 276-290 (французское издание - La Russie. Traduit de l'angle. V. II. P. 347-377).

30. Mazour A. *Russia. Past and Present*. N.Y. 1952.
- 31.** McCoubrey H. *Reform of the Russian legal system under Alexander II // Renaissance and Modern studies*. 1980. Vol. 24. P.115-130.
32. Mirsky D.P. *A History of Russia*. L., 1927; он же *Russia. A Social History*. N.Y., 1930; L., 1931, 1942.
33. Mosse W.E. *Alexander II and Modernization of Russia*. N.Y 1962.
34. Neuberger J. *Popular legal cultures. The St. Petersburg mirovoi sud // Russia's Great reforms, 1855-1881*. Bloomington. 1994.
35. Pares B. *A History of Russia*. N.Y., 1946; London, 1949.
36. Pares B. *Russia Between Reform and Revolution*. N.Y., 1962.
- 37.** Pearson T. *Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865-1889// Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1984.
38. Pintner W. *Reformability in the age of reform and counterreform, 1855-1894 // Reform in Russia and the USSR: Past and prospects*. Urbana, 1989.
39. Lincoln B. *The great reforms: Autocracy, bureaucracy and politics of change in Imperial Russia*. De Kalb, 1990.
40. Pipes R. *Russia under the Old Regime*. London, 1974. В русском пер.: «Россия при старом режиме. М.: Мысль, 1993.
- 41.** Plank T.E. *The Essential Elements of Judicial Independence and the Experience of Pre-Soviet Russia// William and Mary Bill Rights Journal/ 1996. Winter; Waldron P. The End of Imperial Russia, 1855-1917*. N.Y. 1997.
42. Pushkarev S.G. *The Emergence of Modern Russia, 1801-1917*. N.Y., 1966.
43. Riasanovsky N. V. *A History of Russia*. N.Y., 1963, L., 1969. Пер. на итал. - Милан, 1967.
44. Rogger H. *Russia in the age of modernization and revolution, 1881-1917*. L.-N.Y., 1983.
45. Sinai R. *The challenge of modernization: The West's impact on the nonwestern world*. 1964. 287 p.
46. Solomon P. *Courts and Judges in Authoritarian Regimes // World Politics*. 2007. October. Vol. 60. #1. Pp. 122-145. (рус. версия: Суды и судьи при авторитарных режимах // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 3 (64). С.156-174).
47. Solomon P. *Courts and their Reform in Russian History; Wagner W. Civil Law, Individual Rights and Judicial Activism in Late Imperial Russia*
48. Kazantsev S. *The Judicial Reform of 1864 and the Procuracy in Russia; Bhat G. The Consensual Dimension of Late Imperial Russian Criminal Procedure; Burbank J. Legal culture and citizenship in Russia: Perspectives from early twentieth century; Frierson C. Of Red Roosters, Revenge and Search for Justice Rural Arson in European Russia in the Late Imperial Era // Reforming justice in Russia, 1864-1994: Power, Culture and limits of legal order. / Ed. by Solomon P.H. N.Y. 1997. P. 3-130.*
- 49.** Taranovski T. *The Politics of Counter-Reform: Autocracy and Bureaucracy in the Reign of Alexander III. 1881-1894*. Phd. Diss.. 1976. Harvard University. 117 p.
50. *Union des advocates Russes en France*. Paris. 1937. С. 16.
51. Vernadsky G. *A history of Russia*. New Haven, 1929.
52. Whelan H. *Alexander III and the State Council. Bureaucracy and counter-reform in late Imperial Russia*. New Brunswick . 1982.
53. Wortman R. *The development of a Russian legal consciousness*. Chicago, 1976. XI, 345 p. (русский пер. «Властители и судии». М., 2004).
54. Большакова О.В. *Бюрократия, реформы и контрреформы (1855-1894 гг.) в освещении англоязычной историографии*. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
55. Виленская Э.С. *Царь-«освободитель» и его западные биографы // История СССР*. 1966. № 1. С. 221-228.

56. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 400 с.
57. Волков Л.Б. Теория модернизации ее место в современном буржуазном обществоведении// Критический анализ буржуазных теорий модернизации. М., 1985.
58. Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920-1940-е годы): Историко-правовые очерки /Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2010.
59. Захарова Л.Г. Пётр Андреевич Зайончковский // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1 (Отечественная история). М., 2000.
60. Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20-х-30-х годов. М., 2002.
61. История XIX века /Под ред. Лависса и Рамбо. В 8-ми тт. Т. 6. М., 1938. С. 76-79.
62. Кадзухико Т. К переосмыслению судебной реформы 1864 г. // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей / Под ред. Г. Бордюгова, И. Норизэ и Т. Такэси. М., 2001. С. 23-43.
63. Карпачев М.Д. Буржуазные реформы 1860-1880 годов в оценке английской и американской буржуазной историографии // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. Межвуз. сборн. науч. трудов. Воронеж, 1988. С. 124-139.
64. Крупина Т.Д. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX-начала XX в. // История СССР. 1971. № 1. С. 191-205.
65. М.М. Винавер и русская общественность начала XX века. Сборник статей. Париж, 1937.
66. Милюков П.Н. Суд над кадетским «либерализмом» // Современные записки. 1930. № 41.
67. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992.
68. Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 1. /Отв. ред. В.М. Сырых. М.: РАП, 2009.
69. Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953.
70. Пушкарев С.Г. Россия 1801-1917: власть и общество. М.: Посев, 2001.
71. Российские правоведа: очерки жизни и творчества. Т. 1-2 М.: Зерцало, 2007
72. Русская адвокатура в Германии. Отчет о деятельности Союза за 10 лет (1920-1930). Берлин, 1930.
73. С. De Cardonne L' Impereur Alexandre II. Paris, 1883
74. Современная немарксистская историография и советская историческая наука. Беседа за «круглым столом» // История СССР. М., 1988. № 1. С.172-207.
75. Соломон П. Угроза судебной контрреформы в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3(52). С. 50–60.
76. Сухотин Л.М. Учебник русской истории. Ч. 1. Новый Сад, 1926; ч. 2. , Белград, 1927.
77. Тарановски Т. Судебная реформа. С. 308-311.
78. Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920-2004 гг.). Екатеринбург, 2005.
79. Цыкова К.А. Россия второй половины XIX –начала XX в. в трудах Анатоля Леруа-Больё. Дис. ... канд. ист. наук, М., 2005. Интересно, что на французского историка ссылался в своих оценках реформы Г.А. Джаншиев (Эпоха великих реформ. СПб, 1907 С. 319).
80. Шмурло Е.Ф. История России. 862-1917 гг. Мюнхен, 1922.